

Искусство за рубежом

ОТДЕЛ печати нью-йоркской «Метрополитен-опера», одного из самых престижных оперных театров мира, распространил сообщение: «Мет», как привыкли называть его ньюйоркцы, проведет свой очередной, двадцать второй по счету, ежегодный сезон «бесплатных выступлений на открытом воздухе». Первым выступлением станет спектакль «Любовный напиток» Доницетти. Среди прочих в спектакле будут заняты Лучиано Паваротти и Пало-о Кони. Сезон начнется в нью-йоркском Центральном парке. В качестве зрителей приглашаются все желающие. Помимо Центрального парка, «Мет» будет «гастролировать» в парках других округов Нью-Йорка и соседнего штата Нью-Джерси. Будет дана «Турандот». В общей сложности — двенадцать спектаклей в течение трех недель сезона.

Если захотеть, можно найти дюжину причин, которыми объяснялось бы, зачем «Мет» делает все это. Можно, например, порассуждать на тему о том, как занимаются саморекламой крупные монополии, банковские и промышленные, которые финансируют этот «сезон на открытом воздухе». При желании можно пройтись и по администрации «Мета», сделав ей упрек в том, что лишь три недели в году, а не чаще вывозит она искусство в массы, а в остальное время ублажает операми и оперными «звездами» лишь тех, у кого туго набиты кошельки.

Можно. Но стоит ли? Ведь, как ни крути, получается, что буржуазный «Мет» думает о доступности для зрителей больше, чем наш Большой. И дело здесь не только в «парковых сезонах», которые привлекают миллионы зрителей. Дело, как мне кажется, в самой системе деятельности «Метрополитен-опера», в той системе, в основе которой мысль, высказанная Джоном Рокфеллером-третьим, миллиардером, вложившим немало собственных усилий и уйму денег в то, чтобы на перекрестке Бродвея с шестьдесят третьей, шестьдесят четвертой и шестьдесят пятой улицами создан был «Линкольн-центр», Центр искусства имени Линкольна с «Метрополитен-опера» как главной достопримечательностью. Вот слова миллиардера Рокфеллера: «Искусство предназначено не для нескольких избранных. Оно предназначено для людей многих. Место искусства не на периферии каждодневного бытия, а в самом его центре».

И опять-таки можно найти с дюжину причин, объясняющих то, почему Рокфеллер поступил так, а не иначе. Потому, в частности, что, вкладывая баснословные деньги в Линкольнский центр, он списывал эти деньги с тех сумм своих доходов, которые подлежали налогообложению, и на этом немало выигрывал. Ну и что? Важен результат. А результат таков: с появлением центра родились, помимо «Мета», Театр оперы и балета штата Нью-Йорк, где свои спектакли дает, в частности, труппа, рожденная талантливым Джорджа Балланчина; «Эвери Фишер холл» — концертный зал, ставший, если можно так выразиться, базой Нью-Йоркского филармонического оркестра, который за годы существования центра дал там свыше четырех тысяч концертов, не считая тех, что даются бесплатно, в том же Центральном парке, например; два драматических театра, по преимуществу экспериментальных; еще один концертный зал, где выступают коллективы камерной музыки и где по сентябрю, каждый год, вот уже более четверти века устраиваются международные кинофестивали. Есть еще филиал публичной библиотеки Нью-Йорка с удивительно богатой коллекцией не только книг по самым разным направлениям искусства, но и грампластинкам и магнитофонным записям, клавиров, партитур. В итоге существенно сдвинулось искусство — от периферии в центр каждодневного бытия ньюйоркцев и гостей этого гигантского города, насыщенного театрами, как никакой другой.

Лгдей, приходящих сюда, никак не отнесешь только лишь «толстосумам». И еще бросается в глаза то, как много здесь молодежи. Слово не оперный спектакль дают, а концерт самой популярной рок-группы.

Ежегодно «Мет» дает свыше двухсот спектаклей. В репертуар ближайшего сезона, который откроется в середине сентября и продлится тридцать две недели, включено двадцать пять опер. Спектакли идут семь раз в неделю — по субботам дважды, утром и вечером. Зал вмещает более четырех тысяч зрителей. Хотя самые дорогие билеты стоят, напомним, около ста долларов, под такие билеты выделено всего три процента мест в «Метрополитен-опера». Самые

новая постановка хорошо известных опер, либо, что бывает чаще, извлечение опер из забытия, которому они преданы были в силу обстоятельств самых разных. В предстоящем, к примеру, сезоне в «Мет» покажут, в частности, «Юлия Цезаря в Египте» Генделя, «Билли Багга» Бриттена, «Замок герцога Синяя борода» Бартока. И вообще: нельзя не заметить, насколько насыщен репертуар «Мета» — оперы самые распространённые, почти что хрестоматийные, чередуются здесь с теми произведениями, которые, как вынуждены будут признать, намерное, многие советские любители музыки, им слышать и видеть приходилось крайне редко. Вот, скажем, «Идоме-

В ПАРК, НА ОПЕРУ

дешевые — шесть долларов. Это — «стоячие» места, отведенные в самых задках партера и всегда, даже когда есть свободные «сидячие», пользующиеся особым спросом. В среднем же билет в «Мет» обойдется в 35—40 долларов. Дорого? Для сравнения: сорок долларов — это стоимость двух книг в твердых обложках или же шести билетов в кино.

Попасть на спектакли «Метрополитен» сложно: спрос огромен. Но ты всегда знаешь, что шансы твои такие же, как и у других. Как и в подавляющем большинстве других театров Америки, билеты в «Мет» можно заказывать по телефону или почтой — заказы рассматриваются по мере их поступления.

Есть, конечно, и бронь — на всякие чрезвычайные и непредвиденные случаи. Но число мест, на которые бронь распространяется, очень и очень незначительно. Вспоминаю, с какими трудностями столкнулось руководство «Мета», когда весьма высокопоставленная зарубежная делегация изъявила желание побывать на оперном спектакле, а число билетов оказалось куда меньше желающих послушать оперу. Выход был найден самый простой: урезали число желающих. «А что еще должны мы были делать?» — вопросом ответила мне моя знакомая, импресарио «Метрополитена», удивившись предположению, не высказанному мною прямо, но, видимо, отчетливо прозвучавшему в моем вопросе: мол, можно было бы и расширить бронь, дабы уважить иностранцев...

Осознание того, что в своих шансах ты стоишь вровень с другими, что ради ублажения иностранцев никто не станет сгонять своих, — вещь великая, и если, несмотря на свои старания, ты все-таки оказываешься без билета в «Мет», у тебя нет чувства, что с тобою обошлись несправедливо, что тебе предпochли еще кого-то, а тебя самого просто взяли и отрезали от искусства.

И потом: у тебя всегда есть возможность побывать на оперном спектакле «Метрополитен» — либо во время ежегодных «сезонов на открытом воздухе», либо во время тех пяти—десяти прямых, «живых» передач, которые ежегодно идут в телевизионный эфир со сцены «Мета» и на которые настроивают свои телеприемники миллионы американцев. Конечно, оперы в Центральном парке не в состоянии заменить того праздника, в который превращается посещение самого театра. Но, согласитесь, это все же лучше, чем ничего.

И еще одна статистическая пометка: ни одного сезона в «Метрополитен» не обходится без трех-четырех премьер. Это — либо новое прочтение,

ней» и «Все они таковы» Моцарта, Вагнеровская тетралогия «Кольцо нибелунга» — «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов». В новых постановках — не только в их качестве, но и их числе — динамизм творчества, способность и готовность быть в поиске, а не довольствоваться тем, что уже сделано и за что сполна уже получены аплодисменты.

«Метрополитен-опера» — театр общественный. В том смысле, что дотаций, поступающих от федерального правительства, хватает лишь на то, чтобы покрыть очень незначительную долю расходов театра, превышающих сто миллионов долларов в год. Как покрываются остальные расходы? Кассовые сборы — одна статья, и довольно крупная, хотя кассовыми сборами не окупаются даже стоимость постановок, не говоря уж о тех суммах, которые идут на содержание здания театра, на зарплату служащих и т. п. Кстати, несмотря ни на что, билеты в «Мет» дешевле, чем, допустим, в «Ла Скала».

Основной источник финансирования — частные дотации, как от корпораций, так и от отдельных граждан. С благодарностью принимаются и фиксируются любые подношения — будь то всего доллар или десятки миллионов долларов. Одни это делают потому, что, как я уже говорил, это помогает им скопиться изрядную сумму с подоходного налога, другие — потому, что хотели бы видеть свое имя в программе того или иного спектакля, в том разделе программы, где перечисляются фамилии денежных «доноров». Третьи — и их, мне кажется, подавляющее большинство, — потому, что влюблены в оперное искусство и хотят помочь ему, коль скоро от официального Вашингтона помощи не дожидаться, хотя бы «Мет» хранил и оправдывал свою репутацию одного из величайших оперных театров мира, к работе в котором привлекаются сильнейшие таланты: режиссерские, вроде Франко Дзефирелли, недавно поставившего здесь «Турандот»; исполнительские, вроде Паваротти, Пласидо Доминго или Елены Образцовой, несколько вечеров певшей в «Трубадуре»; дирижерские, подобно Карлосу Клайберу, буквально преобразившему постановку «Богемы» Пуччини с Паваротти и Миреллой Френи в главных партиях.

Ну, а вывод какой? — спросит читатель. Вывод прост: работа о том, чтобы искусство приблизить к народу, нашей монополии отнюдь не является, и нам есть чему поучиться у других, дабы лозунги превратить в дела.

А. ШАЛЬНОВ,
собр. корр. «Известий»
НЬЮ-ЙОРК.